

Гармонизация норм гражданского материального и процессуального права в ходе судебной реформы

Валерий Абрамович Мусин

член-корреспондент РАН,
заведующий кафедрой
гражданского процесса
СПбГУ

Взаимосвязь норм гражданского материального и процессуального права обусловлена тем, что в случае судебного спора подтверждение и принудительная реализация субъективных гражданских материальных прав и обязанностей осуществляется в рамках гражданских процессуальных правоотношений. Не случайно проводимые в стране крупномасштабные экономические преобразования сопровождаются кодификацией гражданского материального и процессуального законодательства и реструктуризацией судебной системы. При этом судебная защита материальных гражданских прав оказывается тем эффективнее, чем адекватнее нормы гражданского процессуального законодательства учитывают специфику соответствующих гражданско-правовых норм. Существенное изменение нормативного регулирования материально-правовых отношений нередко влечет модификацию связанных с ними процессуальных правил.

Рассмотрим этот процесс на примере норм, регламентирующих юрисдикционный иммунитет государства. Будучи основанными на известном со времен Древнего Рима принципе *par in parem non habet imperium* и находясь поэтому в области международного публичного права, они значительно влияют на статус государства как субъекта гражданского оборота и лица, участвующего в деле, рассматриваемом судом в порядке искового производства.

В силу присущего юрисдикционного иммунитета к государству без его согласия невозможно:

предъявить иск в иностранном суде;

применить обеспечительные меры;

обратить вынесенное против него иностранное судебное решение к принудительному исполнению¹.

Ключевые слова:

абсолютный иммунитет государства, ограниченный (функциональный) иммунитет государства, Брюссельская конвенция об унификации некоторых правил относительно иммунитета государственных морских судов 1926 г., Конвенция ООН по морскому праву 1982 г.

¹ Подробнее см.: Лунц Л.А., Марышева Н.И. Курс международного частного права. Международный гражданский процесс. М., 1976. С. 116–117.

В статье раскрываются некоторые вопросы доктрины абсолютного и ограниченного (функционального) иммунитета государства в частноправовых отношениях в советский и современный периоды, в том числе с позиций реформирования гражданского законодательства в нашей стране.

Первоначально юрисдикционному иммунитету государства придавался абсолютный характер, потому что «когда государство является участником гражданско-правовых отношений с иностранным элементом, оно в полной мере сохраняет права суверена, т.е. является полностью независимым и не подчиняется другому государству и его органам»².

Однако к XX в. в результате активизации участия государства в международной торговле появилась и получила распространение концепция ограниченного (функционального) иммунитета, согласно которой «иностранное государство, его органы, а также их собственность пользуются иммунитетом только тогда, когда государство осуществляет суверенные функции, т.е. действия *jure imperii*. Если же государство совершает действия коммерческого характера (заключение внешнеторговых сделок, концессионных и иных соглашений), т.е. действия *jure gestionis*, то оно не пользуется иммунитетом, иными словами, представители концепции ограниченного иммунитета считают, что когда государство ставит себя в положение частного лица, к нему могут предъявляться иски, а на его собственность распространяются принудительные меры»³.

Эволюция к сфере действия юрисдикционного иммунитета государства не миновала и нашу страну. В советское время отечественное законодательство и доктрина традиционно придерживались концепции абсолютного иммунитета иностранного государства⁴. Весьма показательна в

В советское время отечественное законодательство и доктрина традиционно придерживались концепции абсолютного иммунитета иностранного государства

² Международное частное право / под ред. О.Н. Садикова. М., 1984. С. 111.

³ Богуславский М.М. Международное частное право. М., 2004. С. 178.

⁴ См.: Международное частное право / под ред. О.Н. Садикова. С. 276. Согласно ст. 61 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1961 г. «предъявление иска к иностранному государству, обеспечение иска и обращение взыскания на имущество иностранного государства, находящееся в СССР, могут быть допущены лишь с согласия компетентных органов соответствующего государства» (см. также ст. 435 ГПК РСФСР 1964 г.).

Показательным примером противоречивости советского законодательства общепринятым подходам международного права по вопросу иммунитета государств являются конвенции по морскому праву

связи с этим Брюссельская конвенция об унификации некоторых правил относительно иммунитета государственных морских судов, подписанная в 1926 г. и вступившая в силу в 1937 г. Статья 1 Конвенции предусматривала, что принадлежащие государству или эксплуатируемые им торговые суда, используемые для перевозки грузов, как и принадлежащие государству грузы, приравниваются с точки зрения их правового режима к судам и грузам, находящимся в собственности частных лиц, и иммунитет на них не распространяется.

Эта Конвенция представляет собой один из первых международных договоров, отражающих концепцию функционального иммунитета. Советский Союз к ней присоединяться не стал, как он не присоединился к Международной конвенции об унификации некоторых правил, касающихся ареста морских судов, принятой в Брюсселе 10 мая 1952 г. и допускающей арест по морскому требованию судна, плавающего под флагом одного из договаривающихся государств, независимо от того, кто является собственником судна (государство или частное лицо), и от целей, в которых используется судно (торговых или некоммерческих). В тех случаях, когда другие конвенции, в которых наша страна считала целесообразным участвовать, содержали положения, основанные на упомянутой концепции, их подписание и ратификация с нашей стороны сопровождалась соответствующими оговорками.

Так, Конвенция об открытом море, принятая в Женеве в 1958 г., предусматривала, что «суда, принадлежащие государству или эксплуатируемые им и состоящие только на некоммерческой правительственной службе, пользуются в открытом море полным иммунитетом от юрисдикции государств, не являющихся государством флага». При ее подписании была сделана следующая оговорка по ст. 9: «Правительство Союза Советских Социалистических Республик считает, что принцип международного права, согласно которому в открытом море судно подчиняется юрисдикции лишь того государства, под флагом которого оно плавает, относится без каких-либо ограничений ко всем государственным судам». Конвенция была ратифицирована с данной оговоркой Президиумом Верховного Совета СССР 20 октября 1960 г.

Такая позиция логически предопределялась поддерживаемой в нашей стране концепцией абсолютного иммуните-

та иностранного государства. Вместе с тем в 1982 г. была принята Конвенция ООН по морскому праву, в разработке которой делегация СССР принимала активное участие и которая была подписана от имени нашей страны. Конвенция позволяет прибрежному государству применять меры взыскания, включая арест, по гражданскому делу в отношении иностранного торгового судна, находящегося в его территориальных водах (ст. 28), сохраняя иммунитет лишь для «военных кораблей и других государственных судов, эксплуатируемых в некоммерческих целях» (ст. 32). Иными словами, в отношении государственных морских судов Конвенция ориентируется на концепцию функционального иммунитета⁵.

Однако и после ратификации Конвенции ООН по морскому праву общая приверженность нашего законодательства концепции абсолютного иммунитета иностранного государства продолжала существовать вплоть до 1 января 1995 г., когда была введена в действие часть первая ГК РФ, законодательно закрепившая перевод российской экономики на рыночные рельсы.

Кодекс, в частности, предусматривает, что Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, а также муниципальные образования «выступают в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, на равных началах с иными участниками этих отношений — гражданами и юридическими лицами» (п. 1 ст. 124). К упомянутым публичным субъектам «применяются нормы, определяющие участие юридических лиц в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, если иное не вытекает из закона или особенностей данных субъектов» (п. 2 ст. 124). Приведенные формулировки свидетельствуют о переходе нашего законодательства на позиции теории функционального иммунитета государства⁶.

Переход российского законодательства на позиции теории функционального иммунитета государств произошел только в 1995 г. после вступления в силу части первой ГК РФ

⁵ Конвенция была ратифицирована Федеральным законом от 26.02.1997 № 30-ФЗ. При этом каких-либо оговорок о распространении иммунитета на принадлежащие государству торговые суда, эксплуатируемые в коммерческих целях, сделано не было, поскольку ввиду пакетного характера Конвенции «никакие оговорки к настоящей Конвенции или исключения из нее не могут делаться, кроме случаев, когда они явно допустимы в соответствии с другими статьями настоящей Конвенции» (ст. 310).

⁶ Применительно к морскому праву этот переход выразился, в частности, в том, что, присоединяясь к Международной конвенции об унификации некоторых правил, касающихся ареста морских

АПК РФ воспринял теорию функционального иммунитета еще в 2002 г., в то время как ГПК РФ остался под влиянием концепции абсолютного иммунитета

Между тем ГПК РСФСР 1964 г., как уже отмечалось, исходил из концепции абсолютного иммунитета государства. В итоге возникло неоправданное расхождение между относящимися к иммунитету государства нормами гражданского материального и процессуального права. Устранение этого расхождения потребовало значительного времени и до сих пор окончательно не завершено.

Обновленный АПК РФ, введенный в действие с 1 июля 1995 г., по-прежнему оставался под влиянием концепции абсолютного иммунитета иностранного государства (ст. 213), и только АПК РФ 2002 г. признал юрисдикционный иммунитет за иностранным государством в случаях, когда оно выступает «в качестве носителя власти» (п. 1 ст. 251). Что касается введенного в действие с 1 февраля 2003 г. ГПК РФ, подготовка которого велась практически параллельно, то в нем позиция по проблеме юрисдикционного иммунитета изменений не претерпела (ч. 1 ст. 401).

Нежелательность различных подходов в упомянутых процессуальных кодексах в сфере применения юрисдикционного иммунитета государства очевидна⁷, и в специальной литературе обращается внимание на необходимость «различать выступление государства как суверена и его участие в гражданском обороте на общих основаниях»⁸. В находящемся на современном этапе судебной реформы в стадии подготовки консолидированном Кодексе гражданского судопроизводства, предназначенном для регламентации рассмотрения гражданских дел судами общей юрисдикции и арбитражными судами, следует предусмотреть наделение юрисдикционным иммунитетом ино-

судов, от 10.05.1952, Российская Федерация сделала оговорку, что она оставляет за собой право не применять правила данной Конвенции к военным кораблям, военно-вспомогательным судам и другим судам, находящимся в собственности государства или эксплуатируемым им и используемым исключительно в некоммерческих целях (см.: Федеральный закон от 06.02.1999 № 13-ФЗ). Эта оговорка вполне согласуется как с общей концепцией функционального иммунитета государства, так и с соответствующими нормами основанной на ней Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

⁷ См.: Научно-практический комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В.М. Жуйкова, В.К. Пугинского, М.К. Треушников. М., 2003. С. 814.

⁸ Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В.И. Радченко. М., 2006. С. 805.

странного государства, действующего в качестве носителя власти, т.е. реализующего свои суверенные функции⁹.

Проводимая в настоящее время модернизация ГК РФ убеждает в том, что определенные нормы гражданского материального права влекут связанные с ними процессуальные последствия. Ранее считалось, что юридическое лицо (независимо от его организационно-правовой формы) могло иметь только один единоличный исполнительный орган, не нуждавшийся в доверенности как при совершении сделок от имени юридического лица, так и при защите его и законных интересов в суде¹⁰.

*При подготовке
консолидированного
Кодекса гражданского
судопроизводства
необходимо основываться на
концепции функционального
иммунитета*

⁹ Необходимо отметить, что реализация иностранным государством своих суверенных функций не исчерпывается его участием в правоотношениях публичного характера. Если, например, иностранное государство заключает на российской территории гражданско-правовой контракт исключительно в целях обеспечения условий для осуществления деятельности своих дипломатических представительств, то в случае предъявления к нему иска, связанного с этим контрактом, оно может сослаться на свой юрисдикционный иммунитет.

Так, международным договором Российской Федерации с иностранным государством было предусмотрено строительство в столице этого иностранного государства за счет нашего федерального бюджета отеля для приема гостей российского посла, а в Москве — строительство за счет иностранного государства отеля для приема гостей посла этого государства. Иностранное посольство заключило с российской организацией договор строительного подряда, в ходе исполнения которого между сторонами возникли разногласия, повлекшие предъявление подрядчиком иска к иностранному посольству в арбитражном суде. Возвращая дело в суд первой инстанции в порядке надзора, Президиум ВАС РФ подтвердил право иностранного государства воспользоваться в данном случае юрисдикционным иммунитетом (см.: п. 5 информационного письма Президиума ВАС РФ от 18.01.2001 № 58 «Обзор практики разрешения арбитражными судами споров, связанных с защитой прав иностранных инвесторов»).

С другой стороны, если иностранное государство предъявляет иск в российском суде, оно утрачивает возможность сослаться на юрисдикционный иммунитет в случае предъявления к нему встречного иска (п. 6 информационного письма ВАС РФ № 58).

Данный вывод полностью соответствует норме п. 3 ст. 32 Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г., согласно которой предъявление иска лицом, пользующимся дипломатическим иммунитетом, «лишает его права сослаться на иммунитет от юрисдикции в отношении встречных исков, непосредственно связанных с основным иском».

¹⁰ См.: ст. 21 Федерального закона от 14.11.2002 № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных предприятиях», ст. 69 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», ст. 40 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью».

После модернизации ГК РФ возник вопрос, кто вправе совершать процессуальные действия от имени юрлица в случае наличия нескольких единоличных исполнительных органов

Однако в соответствии с абз. 2 п. 1 ст. 53 ГК РФ (в ред. Федерального закона от 05.05.2014 № 99-ФЗ) учредительным документом может быть предусмотрено, что полномочия выступать от имени юридического лица предоставлены нескольким лицам, действующим совместно или независимо друг от друга¹¹. Сведения об этом подлежат включению в Единый государственный реестр юридических лиц.

Приведенная норма (при соблюдении изложенных в ней условий) легитимирует несколько единоличных органов на совершение без доверенности сделок, влекущих возникновение гражданских материальных прав и обязанностей непосредственно у юридического лица. Однако возникает вопрос, распространяется ли эта легитимация на совершение упомянутыми единоличными органами без доверенности процессуальных действий от имени юридического лица, в частности, на их выступление в суде. Этот вопрос допускает различные решения. Прежде всего учредительный документ юридического лица может распределить между различными единоличными органами компетенцию по выступлению от имени юридического лица в материально-правовых и процессуально-правовых отношениях. При отсутствии указаний такого рода есть основания для вывода о том, что каждый из нескольких единоличных органов юридического лица уполномочен без доверенности совершать от имени юридического лица действия как материального, так и процессуального характера.

¹¹ Вообще говоря, это правило не может считаться абсолютно новым. Нечто подобное было известно Положению о государственном социалистическом производственном предприятии, утвержденному Постановлением Совета Министров СССР от 04.10.1965 № 731. Пунктом 90 Положения устанавливалось, что «директор предприятия действует без доверенности от имени предприятия, представляет его во всех учреждениях и организациях, распоряжается в соответствии с законом имуществом и средствами предприятия, заключает договоры, выдает доверенности (в том числе с правом передоверия), открывает в банках расчетные и иные счета предприятия».

Согласно п. 91 Положения «заместители директора предприятия в пределах своей компетенции действуют от имени предприятия, представляют предприятие во всех учреждениях и организациях, могут совершать хозяйственные операции и заключать договоры без доверенности, а также выдавать доверенности работникам предприятия». Таким образом, государственное предприятие, управление которым базировалось на принципе единоначалия, имело несколько единоличных органов (директора и его заместителей).

Лицо, на которое возложена защита гражданских (и иных) материальных прав других лиц, для осуществления этой функции должно быть наделено соответствующим процессуальным статусом. Именно по данной причине опекуны и попечители недееспособных или не обладающих полной дееспособностью граждан выступают в суде как их законные представители (п. 1 ст. 52 ГПК РФ)¹².

Однако законное представительство имеет место не только в перечисленных случаях. Так, согласно ст. 71 Кодекса торгового мореплавания РФ «капитан судна в силу своего служебного положения признается представителем судовладельца и грузовладельца в отношении сделок, необходимых в связи с нуждами судна, груза или плавания, а также исков, касающихся вверенного капитану судна имущества, если на месте нет иных представителей судовладельца или грузовладельца». Как явствует из текста приведенной нормы, капитан судна по прямому указанию Кодекса в предусмотренной им ситуации действует как представитель судовладельца и грузовладельца не только в гражданских материальных, но и в гражданских процессуальных правоотношениях, т.е. является законным представителем упомянутых лиц как при совершении соответствующих сделок, так и в суде.

С учетом изложенного можно сказать, что правила разрабатываемого Кодекса гражданского судопроизводства о законных представителях должны быть сформулированы таким образом, чтобы они охватывали любые случаи, когда одно лицо становится *ipso jure* судебным представителем другого. Эта цель может быть достигнута включением в соответствующую статью проекта кодекса положения о том, что в случаях, предусмотренных федеральным законом, указанные в нем лица выступают в качестве законных представителей граждан и организаций.

Окончание читайте в следующем номере

Правила разрабатываемого Кодекса гражданского судопроизводства о законных представителях должны охватывать любые случаи, когда одно лицо становится ipso jure судебным представителем другого

¹² АПК РФ также использует понятие «законные представители» лишь в связи с защитой в арбитражном суде прав и законных интересов недееспособных граждан (ч. 2 ст. 59).